

ПЕРСОНАЛЬНЫЙ ПОЧЕРК УЧИТЕЛЯ: основа успеха — такт и эмпатия

Николай Алексеевич Голиков,

директор общеобразовательного лицея Тюменского государственного нефтегазового университета, доцент, кандидат педагогических наук,
e-mail: nikgol2004@mail.ru

Когда учитель становится значимым человеком, оказавшим влияние на ученика на долгие годы? Статья о работе учителя из Тюмени написана в редком ныне жанре — педагогического очерка.

• уроки черчения • учитель • подростковое поведение • помогающий взрослый

Урок черчения в общеобразовательном лицее Тюменского государственного нефтегазового университета

— Татьяна, посмотри на свой карандаш. Для чертёжника карандаш — это как для хирурга скальпель. Он должен быть всегда идеально наточен.

— Нинель Дмитриевна, я не могу пользоваться вашей машинкой, у меня не получается, всё время грифель ломается. Я уже столько карандашей испортила... — слегка поджав губки, ответила девочка.

Учительница мучительно напрягалась при встрече именно с этой девочкой, что-то в памяти пробуксовывало, связанное с ней каким-то образом. Но вспомнить что именно Н.Д. Иванова не могла. Возникало какое-то странное ощущение, что она кого-то ей напоминает: пухлогубое личико, белозубая улыбка, глаза с искринкой, носик вздёрнутый...

— Парни, кто поможет Татьяне наточить карандаш?

Мгновенно взметнулся лес рук. Девочка не могла скрыть свою радость. Чуть смущаясь, с хитринкой посмотрела на соседку справа. Любопытный взгляд Татьяны скользил по нетерпеливым лицам парней-одноклассников.

От учительницы ничего не могло скрыться. Она с интересом наблюдала за выражением лиц своих учеников — возраст у них такой интересный, бушующий! Безусловно, за пятьдесят лет педагогического труда через сердце этой учительницы прошли тысячи учеников. Но всегда сохранялось абсолютное ощущение неиссякаемой потребности в общении с подростками, в постоянном разгадывании совершенно неповторимых ребусов становления их личности.

...Лидером в этой группе был Антон — крепкий, рослый не по годам десятиклассник. Молодецки развернувшись к девушке всем корпусом, парень не сомневался, что Таня выберет именно его, снобистски смотря на частокол тянувшихся вверх рук одноклассников. На физико-математическом профиле в лицее, естественно, в основном обучаются парни, ориентированные на инженерные специально-

сти топливно-энергетического комплекса, мечтающие стать в недалёком будущем известными специалистами-нефтяниками. Эта мужская среда сама по себе создавала конкуренцию среди взрослеющих молодых людей: за признание своей физической силы, интеллектуального совершенства, предприимчивости, деловитости, за внимание прекрасного пола...

За первой партой сидит Володя — толковый парень, но, как кажется учительнице, не совсем осознающий своих пока ещё скрытых, дремлющих способностей. Нинель Дмитриевна давно обратила внимание на его симпатию к Татьяне. От мудрой учительницы не ускользнуло трогательное отношение к этой жизнерадостной девочке. Но в то же время взрослую женщину беспокоила его робость и ранимость на не всегда корректные шутки одноклассников, которые также замечали его мечтательный взгляд. Дети сейчас стали более жестокими, агрессивными. Унижение слабых, демонстрация своего превосходства — типичная модель подросткового поведения, и не только мальчиков. Когда коллеги из школ рассказывали про дерзкие выходки своих учеников, огорчалась по поводу «утраченного поколения» и тихо, чтобы не обидеть коллег по профессиональному цеху, радовалась, что у неё таких проблем нет: дети, отобранные, и в лице культивируются толерантность, понимание, признание конкурентных преимуществ других и уважительное отношение к тем, кто оказался рядом. Дальше товарищеского подтрунивания друг над другом не заходило...

Вот и сейчас лицо у Володи стало бледным, краски жизни как будто стёрлись. Но руки он так и не поднял...

Нинель Дмитриевне захотелось как-то помочь мальчику, поддержать его, снизить всё чаще и острее проявлявшееся мучительное ощущение безысходности, ненужности, никчёмности и потерянности...

— Таня, а можно я вместо тебя выберу молодого человека, чтобы он тебе помог наточить карандаш? — воспользовавшись замешатель-

ством девочки, спросила учительница. Ей захотелось взять на себя ответственность за выбор. С её стороны он нейтрален и никого не обидит — ученики привыкли к тому, что учительница никогда никого не забывает, свою любовь, заботу, поддержку, уважительную строгость получит каждый, ни к кому она не проявляет равнодушие. Нинель Дмитриевне посчитала очень важным сделать это самой — это позволит девочке избежать трудного выбора и, самое главное, возможно, избавит Володю от мучительных переживаний, что он ей совсем не интересен, и она его игнорирует. Учительница посмотрела на мальчика, поняла как ему тяжело: ей казалось, он стал ещё меньше, плечи опустились, будто их придавило пудовой ношей. «Жаль, он уже смирился с проигрышем, готов к осознанию того, что он, как сейчас говорит молодёжь, — лузер. Глупенький, нельзя так за просто отказываться от борьбы. То, что нравится тебе, может нравиться и другим. Нужно набраться сил для борьбы честной, вести себя с достоинством или как настоящему мужчине научиться проигрывать». Душевной болью откликнулось состояние Володи в её сердце. «Казалось бы, наточить карандаш, что проще? Такая банальная вещь, а для кого-то в определённой ситуации это становится чрезвычайно важным. Для этого паренька быть невыбранным, когда этого так хочется, когда выбор становится жизненно необходимым, смыслом жизни, воспринимается как личная трагедия, — размышляла учительница. Сколько можно было бы нам, учителям, предупредить непереносимо болезненных моментов в жизни наших учеников, будь мы внимательнее, чувствительнее к небезопасным переплетениям событий, чувств, поступков! Хорошо, если у подростка, попавшего в непростые жизненные ситуации, рядом окажется социально состоятельный сверстник, понимающий взрослый — учитель, а ещё лучше — родитель. Но нередко подросток оказывается один на один с бедой. Для нас взрослых, оказывающихся в орбите его взаимодействий, чаще остаются незамеченными его переживания, мы не чувствуем степень разрушительной силы ситуации,

в которой он оказался. Это может привести к самому страшному и непоправимому — суициду. Нам, учителям, нужно научиться тонкому проникновению во внутренний мир ребёнка». С этими мыслями Нинель Дмитриевна подошла к Володе. Присев рядом на свободный стул, посмотрела на его работу.

— Володя, какие чёткие и уверенные линии. Блестящая работа, для подготовки будущего инженера это важно. У тебя точно не будет проблем с графикой и начертательной геометрией. Вот только в этом месте уточни соединение. А впрочем, у тебя оригинальный подход. Интересное решение. — Учительница увидела как ученик сразу как-то обмяк, расслабился, напряжение ушло, он стал наливаясь красками жизни. Надо же, как преобразился, когда увидел заинтересованность на лице Татьяны!

И тут стремительная мысль пронзила её сознание: «Это же Марина! Вернее, её взгляд — искристый, мягко-тёплый, какой-то не по годам взрослый, всё понимающий. Взгляд одной из первых учениц — воспитанницы детского дома. Нинель Дмитриевна погрузилась в воспоминания. Как будто это было вчера, а не более пятидесяти лет назад, когда она впервые переступила порог средней школы № 23 г. Таганрога после окончания математического факультета Свердловского педагогического института. Вела уроки математики в 5–7-х классах, догрузили ещё и физикой. Пришлось в неё вгрызаться, не могла себе позволить учить детей плохо. А вот как классному руководителю достался 5-й класс. Когда давали именно этот класс, не могла понять, почему старшие коллеги кто-то с сожалением, кто-то с любопытством смотрели на меня. И только когда Иван Григорьевич, директор школы, сказал, что это не совсем обычный класс, в нём 12 детей из детского дома, поняла, что всё не так просто. «Но вы не волнуйтесь, мы вам поможем», — не очень-то уверенно сказал он. Кто-то из опытных коллег посочувствовал, что мне не повезло, все опытные педагоги-старожилы отказались от этих детей, у меня всё будет плохо. Но у меня было всё хорошо, помощь мне не понадобилась. Не могу сказать, что всё получилось из-за моей неиссякаемой энергии. Нет, я всегда была достаточно медлительной, вернее, плавной. Движениями и жестами не перегружена, не могла говорить громко. Но дети ко мне потянулись

сразу, возможно, из-за того, что я в школе была самой молодой. Вот в этом-то классе и училась Марина — худенькая, изящная девочка с искристыми глазками, очень смыслёная. Меня удивило, что имея опыт проживания личной трагедии, отсутствие родителей, жизнь в детском доме не обозлили ребёнка, не сделали её ни заискивающей перед взрослыми, ни жестокой с окружающими. Она обладала каким-то особым магнетизмом и оказывала влияние на одноклассников. Через неделю Марина обняла меня со словами: «Нинель Дмитриевна, вы самая добрая в мире!» Как я потом узнала, это и стало пропуском в сердца детей, гарантом нашего совместного благополучия. Дети тянулись ко мне, девочки разглядывали скудные учительские наряды, я их сама мастерила — был жуткий дефицит всего. Мальчишки не по возрасту приглядывались ко мне. Росточком я была маленькая, просто девочка. С ребятами очень часто оставались после уроков, что-то обсуждали, мастерили, готовили концерты. Незаметно пролетели три года. Решили с мужем переезжать в Тюмень, напоследок дети уговорили пойти в поход. С нами пошли и мальчишки-хулиганы из другого класса. Дети стали на реке шалить. Мой супруг Николай Дмитриевич, нет-нет да и вспомнит: «Как ты их решилась взять?». Решилась. Жалко их было таких неприкаянных, неинтересных для своих учителей. Но могло случиться непоправимое. Дети стали шалить, и один мальчик стал тонуть. Я растерялась, просто оторопела. Хорошо, что муж был рядом, он собранный человек, просто пружина! Моментально включился в ситуацию. Всё обошлось. Возвратились домой здоровыми, счастливыми. До сих помню руки, глаза своих первых учеников. Признаюсь, забыла их имена, но те чувства, отношения, которые нас связывали, помню чётко.

Переехали в Тюмень. Я хотела преподавать на кафедре высшей математики. Нас пришло четыре математика-претендента, всех и направили, как сказали временно, на неукомплектованную кафедру графики

и начертательной геометрии. Мы так и остались на этой кафедре. Были очень молоды, студенты-заочники гораздо старше, страшно-вато было. Но ничего. Проблем с дисциплиной никогда не было. Потоки были по 125 человек. С последних рядов выкрикивали, что ничего не слышно — голос-то у меня никогда громкостью не отличался. А потом привыкли к нему, муху слышно, когда пролетает. Всё зависит от интереса к предмету, мотивации осваивать преподаваемую дисциплину. Никогда студентам не отказывала в помощи, не считалась со своим временем. Графика, согласитесь, не из простых дисциплин. Было трудно, но интересно. Как-то встретила своего бывшего студента, Ивана Золотухина, а он мне говорит: «Нинель Дмитриевна, обязан я вашей раскладушечке, что стал настоящим инженером, защитил кандидатскую диссертацию. Ничего не понимал, просто тормоз. А вы принесли для таких, как я своё пособие с тремя плоскостями и процесс пошёл.

А ведь кому-то не повезло — не встретился ему настоящий преподаватель, влюблённый в свой предмет, понимающий своих учеников». Студенты на графику приходили какие-то взъерошенные, возбуждённые, а на моих занятиях могли отдохнуть. Как они говорили: «Спокойный, расслабляющий голос у вас, Нинель Дмитриевна, вашему мужу повезло», — с улыбкой вспомнила учительница. Точно повезло. Он у меня всё, а я с ним рядом. До сих пор работаем, хотя нам исполнилось за 75... Не сидеть же дома, мхом обрастать.

В 1994 году директор лицея (тогда он назывался техническим) Л.П. Бобёр, кандидат педагогических наук, доцент, заслуженный учитель РФ, пригласил преподавать техническое черчение и элективный курс «история техники». Не скрою, мне приглашение польстило. Леонид Петрович в Тюменском индустриальном институте был личностью известной, ведущий кафедрой учебного телевидения, которая, кстати, была известна на всю Россию. Человек он творческий, неутомимый. Помню, как готовили помещения для лицейстов на выделенной для лицея аудитории четвёртого этажа лабораторно-учебного корпуса индустриального института, отмывали все вме-

сте — дети, учителя, директор. Сколько было вывезено грязи, пока готовили аудитории. Мы варились с ребятами в одном котле до самого вечера. Правда, не было ЕГЭ, сейчас выпускники вынуждены бегать по репетиторам, обкрадывая своё детство. Раньше было всё по-другому: жизнь лицейская наполнена была событиями, важными для всех: это и спорт, и художественная самодеятельность, олимпиады, литературные гостиные... В лицее ввели дресс-код: чёрная жилетка, светлых тонов рубашка и галстук. Леонид Петрович все годы пока работал, сам не нарушал его. Директор любил блины, и его жена, Тамара Николаевна, на Масленицу выпекала их на весь лицей, правда, на параллели было только по три группы. Учителя переодевались в праздничные национальные костюмы и ходили по кабинетам всех угощать вкуснейшими блинами «от Николаевны».

В этом году стало сложнее работать. В школах нет черчения. Дети совершенно не готовы, не знают элементарных вещей, не умеют держать карандаш, выполнять элементарные линии. Пришлось перестраиваться. Летом спать ляжешь, сна нет, и только рой мыслей: как же лучше рассказать, чтобы поняли, как научить чертить всех, ученики-то — будущие инженеры, они должны уметь чертить, понимать чертежи. Некоторые деятели рассуждают, мол, зачем утруждаться чертить вручную, когда век XXI, есть современные компьютерные программы «АУТОКАД». Конечно, программа замечательная. Но если ты не знаешь азов, не знаешь ГОСТы, то не сумеешь прочитать чертёж, разобраться с техническим заданием. Вот я и ищу новые способы, адекватные современным школьникам, их восприятию, уровню готовности. Даю задания с разным уровнем сложности. Ребята выбирают сами. Меня очень радует, когда дети просят разрешение сделать все задания. Всегда им говорю: «Чем больше вы чертите, тем лучше будет у вас получаться». А дети в лицее талантливые, замечательные учителя. Смотришь на них и думаешь: у России есть будущее, и мы ещё потрудимся на благо Родины. **НО**